

□Системное уведомление: Вы успешно покинули основную локацию «Дворец Тайцзи — Дворец Личжэн». Произведена принудительная телепортация в новую локацию «Королевский храм — Храм Ганье». Текущие условия: предельная нищета, изоляция, низкий уровень социальных контактов. Статус носителя изменен: с «У, талантливой наложницы Тай-цзуна» на «У Юаньчжао, мирянку, совершающую постриг без бритья головы». Основная задача «Древние Будды и синие светильники» официально активирована. Промежуточная цель один: адаптироваться к новой среде, обеспечить базовое выживание. Предупреждение: начальный уровень симпатии окружающих — равнодушие или враждебность, действуйте осторожно.□

Похоронный звон по покойным императору и императрице — тяжелый, протяжный, проникающий, казалось, до самого костного мозга — до сих пор эхом отдавался в ушах, не давая покоя. Тем не менее, простая повозка с синим тентом, везущая У Юаньчжао и других бездетных наложниц, уже проехала по размытой грязью дороге за пределами города Чанъань, оставив далеко позади ту огромную клетку, вмещавшую в себя бесконечную роскошь, борьбу за власть и крушение судеб.

Путь во дворец не был устлан почестями, но хотя бы соответствовал дворцовому достоинству: убранство повозок и свита строго следовали суровому ритуалу. Обратный же путь — лишь несколько самых обычных повозок с синими тентами. Деревянные кузова скрипели от старости, тощие клячи, впряженные в них, едва переставляли ноги. Под конвоем стражников с безразличными лицами и глазами, острыми, как у ястребов, процессия двигалась в молчании. Этот отряд напоминал не сопровождение вдов покойного императора, а перевозку ненужного, вышедшего из моды хлама, который поспешно отправляли в забытый миром уголок.

Стояла ранняя весна, холод еще не отступил, а дороги после ночного дождя со снегом превратились в месиво. Каждое движение колес, с трудом вырывавшихся из липкой грязи, отдавалось резкой тряской. Занавески были плотно задернуты, едва спасая от пронизывающего весеннего ветра, но они же окончательно отрезали женщин от их прошлой жизни. Внутри повозки царил полумрак, воздух был тяжелым и спертым, пропитанным отчаянием.

Кроме У Юаньчжао, в повозке находились еще три наложницы невысокого ранга. Одна из них — Лю Баолинь, некогда удостоившаяся короткой милости, но так и не родившая наследника. Сейчас ее лицо было землисто-желтым, а взгляд — пустым; она смотрела на свои ухоженные, но теперь испачканные грязью пальцы, словно оплакивая ушедшее величие. Другая — робкая Чжао Юйнюй, которая за годы пребывания во дворце так и не увидела лица императора. Она сжалась в углу, плечи ее мелко дрожали, а тихие всхлипы звучали прерывисто, как у раненого зверька. Последняя — самая юная, Сюй Баолинь. Она прожила во дворце меньше года, когда покойный император тяжело заболел. На ее лице еще читалась детская наивность, теперь же оно было искажено ужасом и растерянностью, а слезы, словно рассыпавшиеся жемчужины, беззвучно катились по щекам, пропитывая грубую ткань одежды.

Никто не проронил ни слова. В этот момент любые слова казались бледными, а утешения — фальшивыми. Мертвая, удушающая скорбь, словно густые чернила, заполнила это тесное пространство.

У Юаньчжао сидела в самом дальнем углу. Она уже сменила траурное одеяние на серую, лишенную украшений одежду мирянки из грубой ткани, от которой кожа зудела. Это была

униформа храма Ганье для таких, как они. Она тоже молчала, но ее ясные глаза не были остекленевшими, как у остальных. Слегка повернув голову, она вглядывалась в узкую щель между занавесками: поля, едва пробивающиеся сквозь мерзлую землю первой зеленью, и голые деревья, упрямо тянущиеся к холодному небу. Жизнь ранней весны вступала в жестокий контраст с увяданием и концом, которые олицетворяла их поездка.

Покинуть дворец Тайцзи, эту обитель, где пожирали людей без крови, и избавиться от прямой угрозы смерти — в какой-то мере это было физическим облегчением. По крайней мере, ей больше не нужно было каждую минуту опасаться козней императрицы, благородной супруги Сяо или других врагов, не нужно было ходить по тонкому льду, пытаясь угадать мысли нового императора. Но станет ли храм Ганье — место, где в реке истории потонули слезы бесчисленных красавиц, где были похоронены юность и надежды стольких женщин, — настоящим убежищем? Холодные слова Системы все еще звучали в ушах: предельная нищета, изоляция, низкий уровень социальных контактов. За этими семью иероглифами скрывались крайняя нехватка материальных благ, долгое духовное одиночество и, возможно, еще более откровенная, жестокая борьба за выживание. Здесь не было фальшивого занавеса дворцовой учтивости — жестокость жизни представала в самом неприкрытом виде.

Она машинально коснулась потайного кармана в рукаве, где лежали несколько незначительных вещей, ставших ее единственной опорой: простая, легкая серебряная шпилька, полученная при вступлении во дворец и чудом не изъятая в хаосе переворота, несколько кусочков серебра, накопленных за годы из скудного жалования, и... тот короткий, но полный сложного смысла взгляд, который бросил на нее в ту ночь во дворце Личжэн новый император Ли Чжи. Это были все ее активы и призрачные надежды на будущее.

□Системное уведомление: Обнаружено наличие мелкой валюты (серебро). При определенных условиях можно обменять на базовые средства к существованию. Обнаружен предмет с небольшой ценностью (серебряная шпилька), можно попытаться обменять на информацию или незначительные блага. Статус особого ресурса «Смутное внимание нового императора»: неизвестно (требуется событие для определения). Планируйте ресурсы разумно.□

Оценка Системы была холодной до жестокости, четко оцифровывающей ее бедственное положение. У Юаньчжао глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться. Паника и слезы не помогут, они лишь ускорят крах. Нужно как можно скорее осознать реальность и разработать стратегию.

Неизвестно, сколько длилась тряска, но когда У Юаньчжао уже казалось, что ее кости вот-вот рассыплются, повозка наконец остановилась. Снаружи донеслись короткие и сухие реплики стражников и монахов. В ту же секунду занавеску с силой отдернула рука с узловатыми суставами и грубой кожей. Внутри ворвался воздух, смешанный с запахом благовоний, сырой травы и легкой плесени, разгоняя спертость.

Снаружи стояла монахиня лет сорока в сером одеянии, с лицом настолько суровым, что оно казалось маской, и взглядом, в котором сквозило нетерпение. Она, словно холодным щупом, прошла по каждой из перепуганных женщин и произнесла безжизненным голосом:

— Приехали. Выходите, мирянки. Личные вещи забирайте с собой. В храме на все установлены

нормы, не тешьте себя пустыми надеждами.

Обращение «мирянки» прозвучало особенно болезненно, подчеркивая их статус изгнанниц.

У Юаньчжао вместе с остальными медленно выбралась из повозки. Ноги затекли, и стоять было трудно. Она выпрямилась и огляделась.

Храм Ганье не был заброшенным и полуразрушенным местом, как она опасалась. Построенный по указу императора, он был внушительным: опираясь на горный склон, храмовые залы и павильоны тянулись вверх, окруженные серыми стенами и украшенные черепичными крышами. Но это величие было лишено дворцового блеска — это была холодная, отрешенная тишина, отгороженная от мира пыли. Серые стены покрылись пятнами от дождей, темно-красные колонны побледнели, а воздух был пропитан вечным запахом благовоний. Где-то в стороне Главного зала Дасюн слышалось монотонное, лишенное эмоций пение сутр.

Над воротами храма золотыми иероглифами значилось: Храм Ганье. Эти ворота были границей, отделявшей их от мира. Здесь им предстояло провести остаток жизни, здесь был их последний приют после того, как слава рассеялась.

Монахиня, встретившая их, была привратницей по имени Цзинсинь. Она без всякого участия, как будто выполняя рутинную работу, повела их через передний двор в Зал управления делами для регистрации. По пути им встречались другие монахини и пожилые мирянки, которые смотрели на новоприбывших с любопытством, жалостью, но чаще — с привычным равнодушием.

Регистрация прошла грубо и быстро. Наставница Цзинсинь достала пожелтевшую книгу, записала их имена и прежние статусы, после чего выдала базовые вещи: комплект серой одежды из еще более грубой ткани, чем та, что была на них, деревянную рыбку для стука, четки и тонкое, как бумага, старое одеяло, от которого пахло плесенью.

— Запомните правила, — голос наставницы был лишен интонаций. — Говорю один раз. Утренняя служба начинается в пятый час утра (пять часов утра). После умывания — в главный зал. В семь утра — завтрак. В девять — работа согласно распределению. В одиннадцать — обед. В час дня — изучение сутр. После трех дня можно продолжать работу или молиться, но без шума. В семь вечера — отбой, никаких задержек.

Она помолчала и добавила с нажимом:

— За ворота выходить запрещено. В чужие залы без приказа не входить. Золото, украшения, пудру и румяна прятать нельзя — если найду, накажу без жалости. Разговоры запрещены. С мужчинами, даже с прислугой, не общаться. Нарушите — будете коленопреклоненно молиться или переписывать сутры сотни раз. За серьезные провинности — карцер с урезанием пайка.

— Вы были дворцовыми жительницами, знали роскошь, но здесь вы должны отбросить мирские привязанности, — она особенно пристально посмотрела на Сюй Баолинь. — Молитесь за души

покойных императоров, избавляйтесь от кармы. Не тешьте себя пустыми мыслями.

Наложницы побледнели. Сюй Баолинь едва не упала, ее подхватила Чжао Юйной. У Юаньчжао, опустив голову, тихо ответила: «Слушаюсь», но на душе стало тяжелее камня. Правила были жестче, чем во дворце, и шансы на выживание казались ничтожными.

Их поселили в дальнем крыле. Комната была тесной, темной, с земляным порогом и соломенным матом вместо кровати. У стены стоял шаткий столик с тусклой масляной лампой. У Юаньчжао оказалась в одной комнате с Сюй Баолинь.

Едва войдя, Сюй Баолинь разрыдалась, повалившись на край лежака:

— Как здесь можно жить? Даже у самой последней служанки условия были лучше...

У Юаньчжао молча начала обустраиваться. Она спрятала серебро и шпильку в щель между кирпичами стены. Заметив, что Сюй Баолинь привезла с собой косметику, она поняла: эта девушка еще не осознала, где оказалась.

□Системное уведомление: Обнаружена соседка «Сюй Баолинь», характер: слабый, зависимый, оценка выживаемости: низкая. Текущая симпатия к носителю: 15. Предупреждение: чрезмерная близость может стать обузой, но полная изоляция тоже не выход. Решайте сами.□

Система была права. У Юаньчжао подошла к соседке и протянула ей чистую тряпицу:

— Не плачь, сестрица Сюй. Что сделано, то сделано. Нужно привыкать.

— Сестрица У... — всхлипнула та. — Мы что, правда умрем здесь? Мне всего шестнадцать...

У Юаньчжао промолчала. Ей самой было страшно, но жалобы не помогут.

На следующий день жизнь превратилась в череду изнурительных будней. Утренняя служба, холод, ледяная вода, бесконечные поклоны. Вскоре У Юаньчжао назначили самую грязную работу — мыть ночные горшки для всего храма. Когда она услышала это, внутри все закипело от ярости, но она лишь опустила глаза:

— Слушаюсь, наставница.

С тех пор каждый день она проводила, отмывая нечистоты. Руки огрубели, холодная вода разъедала кожу, но она терпела. Она знала: если она сломается сейчас, то погибнет. Она наблюдала за другими монахинями и видела, как те смотрят на нее — с презрением или насмешкой. Она не отвечала. Она была сосредоточена на своей цели — выжить.

По ночам в келье было так холодно, что приходилось укрываться всей одеждой. Слыша бесконечные всхлипы Сюй Баолинь, У Юаньчжао смотрела в темноту и чувствовала, как

одиночество и отчаяние медленно, день за днем, пытаются стереть ее личность, ее желания и последние остатки надежды.

Системное уведомление: Оценка выживаемости носителя в период адаптации: уровень физических сил остается низким, уровень психологического стресса высокий, состояние организма предболезненное. Связь с императорским дворцом полностью прервана. Признаков активации особого ресурса Смутное внимание нового императора не выявлено.

Предупреждение: длительное пребывание в подобном состоянии грозит глубокой депрессией или развитием тяжелых заболеваний.

Системное предупреждение повисло над головой, словно острый меч. У Юаньчжао понимала, что нельзя просто сидеть и ждать смерти.

Однако нестигаемая стойкость, унаследованная ею от души человека из современного мира, а также дарованная Системой способность Предчувствие кризиса, позволяющая получать сигналы об опасности в критические моменты, не дали ей окончательно погрузиться в отчаяние. Она начала рассматривать наблюдение как навык выживания, принявшись более пристально изучать микросоциум храма Ганье.

Она обнаружила, что храм вовсе не является монолитом — здесь по-прежнему существуют свои иерархии и круги общения. Наставница Цзинсинь, на первый взгляд, строгая и негибкая, во всем придерживалась буквы закона. Однако она была сосредоточена лишь на неукоснительном соблюдении внешних правил: до тех пор, пока никто не нарушал явных запретов, она не придиралась к людям без причины. В ее действиях прослеживалась определенная логика, а значит, с ней, возможно, удастся наладить ограниченный диалог. Другая наставница, Хуэймин, отвечавшая за склад и распределение провизии, обладала цепким взглядом и расчетливым умом. К тем послушницам, чьи семьи имели определенный вес и могли время от времени передавать через посредников деньги на благоволия или какие-то вещи, она относилась значительно мягче, порой даже позволяя себе легкую улыбку. Кроме того, в храме жили несколько почтенных матушек, бывших наложниц покойного императора, сохранивших высокий статус. Они вели уединенный образ жизни, казалось, окончательно отрешившись от мирской суеты. Их лица всегда оставались спокойными, они редко вмешивались в дела храма, но, обладая здесь наибольшим авторитетом, пользовались уважением даже со стороны настоятельницы.

Юаньчжао также остро подметила, что храм не полностью отрезан от внешнего мира. Раз в десять-пятнадцать дней сюда прибывала повозка с зерном, овощами и прочей провизией. Слуги, управлявшие мулами, порой перебрасывались парой слов с монахинями, принимавшими груз — возможно, именно так просачивались скудные вести извне. А две пожилые монахини, что изредка отлучались за покупками необходимых для храма вещей (похоже, ученицы наставницы Цзинсинь), могли стать ключевым каналом получения информации. Проблема заключалась лишь в том, что все они относились к новым грешницам с глубоким недоверием.

Возможность представилась спустя полмесяца после прибытия. Черeda изнурительных работ, скудный рацион и постоянное нервное напряжение наконец подорвали здоровье Юаньчжао. Однажды утром, во время чистки отхожих мест, она внезапно почувствовала сильное головокружение, мир почернел перед глазами, ноги подкосились, и она едва не рухнула на

землю. Сварливая монахиня, надзиравшая за ней, принялась браниться, обвиняя ту в лени, но, увидев, что лицо Юаньчжао стало бледным, как бумага, а по лбу градом катится холодный пот, нетерпеливо махнула рукой:

— Проваливай в сторонку, отдохни немного, нечего здесь помирать, только портить вид.

Юаньчжао, собрав последние силы, доплелась до единственного во дворе колодца, желая умыться ледяной водой и хоть немного прийти в себя. У колодца она столкнулась с женщиной лет пятидесяти с проседью в волосах, собранных в простой пучок, и в выцветшем добела одеянии послушницы. Та с трудом вращала ворот, поднимая ведро. Эту женщину по фамилии Сюй в храме называли тетужкой Сюй. Она была здесь старожилом — поговаривали, что когда-то служила во дворце, но по некой причине приняла постриг и жила в храме уже более двадцати лет.

Тетужка Сюй бросила взгляд на пошатывающуюся Юаньчжао, но ничего не сказала. Она молча поставила поднятое ведро на край колодца, зачерпнула деревянным ковшом воды и протянула его девушке.

— Благодарю вас, тетужка, — прошептала Юаньчжао, принимая ковш. Голос ее охрип от слабости. Она плеснула ледяной водой на лоб и щеки, и пронизывающий холод помог ей взбодриться.

Тетужка Сюй стояла рядом, терпеливо дожидаясь, пока та закончит, а затем взялась за свое ведро и произнесла равнодушно:

— Новенькая? Такая слабая — храмовые тяготы не для тебя.

Тон ее был ровным, лишенным злобы, скорее напоминал констатацию факта.

У Юаньчжао екнуло сердце: вот он, редкий шанс на контакт! Она тут же изобразила слабую, полную благодарности улыбку:

— Да, меня зовут Юаньчжао. Только прибыла, многих правил еще не знаю, прошу прощения за свою неловкость.

Тетужка Сюй хмыкнула — негромко, но с той особой интонацией человека, познавшего жизнь:

— Какие уж тут извинения. В храме Ганье каждый через это прошел. Судя по виду, ты не из тех, кто совсем рук не прикладывал. Грамоте обучена?

— Я... немного умею читать, — скромно ответила Юаньчжао, лихорадочно пытаюсь понять намерения собеседницы.

— Знание грамоты здесь порой лишь добавляет страданий, — загадочно бросила тетушка Сюй. Ее взгляд задумчиво скользнул по изможденному, но сохранившему тонкие черты лицу Юаньчжао и ее глазам — уставшим, но по-прежнему ясным. Больше она ничего не сказала, подхватила ведро и твердой походкой удалилась.

Системное уведомление: Первый контакт с ключевым персонажем Тетушка Сюй. Отношение: 5 (нейтрально-холодное). Предварительный анализ: человек знаком с правилами выживания в храме, возможно, владеет информацией о внутренних делах и ограниченными источниками сведений извне. Характер: внешне холодна, внутри тверда, обладает богатым опытом. Рекомендуются продолжить попытки сближения, соблюдая осторожность, чтобы не вызвать подозрения или неприязнь.

Этот короткий, едва ли тянувший на полноценный разговор контакт стал слабой искрой в крошечной тьме ее пути. Юаньчжао начала осознанно, не привлекая лишнего внимания, следить за тетушкой Сюй. Встречая ее у колодца или возле столовой, она останавливалась, почтительно кланялась и произносила Тетушка Сюй, но не навязывалась с разговорами, ведя себя безупречно.

Спустя еще несколько дней в храме проводили небольшую поминальную службу по скончавшейся монахине. Требовались дополнительные руки для украшения зала и протирания ритуальных предметов. Юаньчжао сама вызвалась помочь наставнице Цзинсинь. Та окинула ее взглядом — возможно, осталась довольна ее покорностью в последние дни — и отправила протирать алтарь в боковом зале.

Это был шанс проявить себя. Юаньчжао работала невероятно усердно, не упуская ни одной детали. Она даже нашла мягкую старую тряпку и с помощью воды вычистила многолетнюю пыль из мельчайших резных узоров на алтаре. Она делала это не напоказ — она действительно воспринимала это как важную работу, способ отвлечься и привести мысли в порядок. Проверять результат пришла наставница Хуэймин, та самая, что заведовала складом.

Она тщательно осмотрела алтарь и столы для подношений, проводя пальцами по щелям и углам, и убедилась, что пыли не осталось. Наставница с удивлением взглянула на Юаньчжао, стоявшую рядом с опущенными руками. Эта новенькая не только не жаловалась на самую грязную работу, но и к тонким делам подходила столь старательно. Хуэймин впервые не нашла к чему придраться. Взглянув на Юаньчжао, она смягчила суровый взгляд и сухо произнесла:

— А ты внимательная.

Юаньчжао порадовалась про себя: это был маленький, но жизненно важный прогресс. Нельзя спешить. Она должна, подобно весеннему дождю, что неслышно питает землю, шаг за шагом улучшать свое положение в глазах этих людей, выстраивая сеть связей, которая в критический момент могла бы спасти ей жизнь.

— Благодарю за похвалу, наставница, это мой долг, — почтительно ответила она.

Той ночью, лежа на ледяном настиле и слушая ровное сопение Сюй Баолинь (девушка, кажется, окончательно смирилась под тяжестью каторжного труда и уже не имела сил даже плакать), Юаньчжао не могла уснуть. Выживание в храме оказалось гораздо сложнее, чем она предполагала — каждый день высасывал из нее жизненные силы. От нового императора Ли Чжи не было ни весточки, словно все ее надежды канули в бездну. Она не могла полагаться лишь на призрачное Смутное внимание. Нужно было действовать самой.

В голове созрел план:

Первое — самое срочное: улучшить условия жизни. Питаясь так, как сейчас, она долго не протянет. Нужно придумать, как с помощью тетушки Сюй или иными путями обменять скудные гроши на соль, яйцо или кусочек тростникового сахара. Это требовало предельной осторожности: если обнаружат спрятанные деньги или торговлю, последствия будут катастрофическими.

Второе — информация. Нужно как можно скорее наладить хотя бы зачаточный канал сведений. Тетушка Сюй — главная цель, но действовать нужно терпеливо. Также стоит присмотреться к двум монахиням, что ходят за покупками.

Третье — не стоит полностью отказываться от связи с дворцом. Хотя надежда мала, возможно, стоит следить, не появляются ли в храме люди с особым статусом? Например, фрейлины, отвечающие за императорские обряды? Или можно ли передать весточку тайно? Это требует долгого планирования и сопряжено с огромным риском.

В тот момент, когда она металась между отчаянием и надеждой, в голове раздался долгожданный сигнал Системы. На этот раз тон был необычным, с едва уловимой вибрацией:

Системное уведомление: Обнаружено слабое возмущение внешнего информационного поля... Анализ источника... Завершено. Связь: новый император Ли Чжи. Краткое содержание: новый правитель укрепил власть, подготовка к церемонии восхождения на престол проходит успешно. Тайно вмешался в процесс внутреннего управления храмом Ганье (низкий приоритет, следы незначительны). Дополнительная подсказка: модели поведения носителя — сдержанная адаптация, исполнение долга и осторожное наблюдение — активировали скрытые критерии оценки. Статус Смутное внимание нового императора повышен до уровня Потенциально доступно. Для перехода к следующему этапу необходимо дождаться подходящего момента или создать условия самостоятельно.

Сердце Юаньчжао сжалось, а затем забило в бешеном ритме. Хотя информация оставалась туманной, а суть тайного вмешательства — неясной, это доказывало: новый император не забыл о ней как о фигуре в своей игре! Ее рискованная ставка во дворце Личжэн не была бессмысленной! Этот слабый свет, хоть и далекий, подобно молнии, разогнал густые тучи, скопившиеся в ее душе, и наполнил ее мужеством и надеждой, столь необходимыми для продолжения борьбы.

Холодная зима в храме Ганье была все еще долгой и пронизывающей, но семя под названием

Надежда уже было посажено в промерзшую землю. Юаньчжао понимала: она должна быть терпеливее и осторожнее, чем когда-либо, затаиться, наблюдать и ждать, как самый искусный охотник. И в то же время быть готовой в любой миг, когда представится шанс, сделать решающий рывок. Ее жизнь при Древних Буддах и синих светильниках не закончится в безмолвии — в ней скрывался тихий раскат грома.

Системное уведомление: Цель первого этапа Адаптация к новым условиям выполнена на 30%. Открыта цель второго этапа: Создать первичную информационную сеть и улучшить условия выживания. Награда будет выдана по мере выполнения.

<http://bllate.org/book/18487/1777057>